

Опыт Китая: уроки для России в XXI веке

В России достаточно интенсивно обсуждают тему китайского опыта и его творческого заимствования на российской почве [1–3]. Это неудивительно, потому что либеральную модель в России целостно реализовать не удалось. И слава Богу, что не удалось. «Невидимая рука рынка» привела к видимым печальным результатам. А в условиях глобализации по-американски такая модель, особенно в неолиберальной интерпретации, обрекла страну на статус вечно отстающей и не позволила достичь

позитивной бифуркации исторического значения, в которой Россия жизненно нуждается. Опыт быстро развивающихся догоняющих стран, к которым относится и КНР, указывает, что их успехи базируются на целом ряде факторов. Среди этих факторов отсутствуют «неолиберальные рецепты», «ловушки глобализации» и «ложно понимаемые основы постиндустриализма». Наоборот, успехи, как представляется, обусловлены именно грамотным сочетанием глобализации, опоры на национальную идентичность и соб-

ственные конкурентные преимущества, а также формированием промышленного ядра и наращиванием интеллектуального потенциала.

Сидя на «либеральной лошади», «китайские цветы» не рассмотришь

В свое время нас пытались убедить в том, что китайский опыт бесполезен и даже вреден для России, поскольку ничего кроме социалистической идеи и «авторитарной модернизации» он якобы предложить не может. Одни критики Китая утверждают, что Россия, дескать, давно прошла этап развития, на котором сейчас находится Китай¹. Другие высказывают опасения, что «восточный крен» в сторону «непредсказуемого» Китая в отличие от ориентации на «предсказуемый» Европейский союз опасен, поскольку не может не привести к формированию «отношений лошади и седока», в которых России отводится печальная участь лошади. Причем критикуют в основном сторонники демократиче-

Бирюков Алексей Викторович — доцент Российского нового университета, кандидат исторических наук.

ского выбора России, либеральные реформаторы, активисты эпохи Ельцина, такие как, например, Отто Лацис или Владимир Рыжков [4]. То, что люди, выдвигающие эти тезисы, не понимают Китай, его историческое место, не знают, к каким целям и за счет чего он мерной поступью дви-

жется вперед и стремительно наращивает совокупную мощь, совершенно очевидно. А что они смогли предложить России? Крадущееся развитие на базе сырьевой экономики, топтание на месте в научно-технологическом смысле и немыслимую прежде перспективу скачивания на обочину научно-технического прогресса, промышленный спад, духовную деградацию и «демократию без развития»? Хотелось бы услышать убедительные доводы в пользу того, что это излишняя и неуместная драматизация. Однако сравните динамику международных индексов России начиная с 1990 г. и тех же индексов, фиксирующую развитие КНР: ВВП России неуклонно растет, однако этот рост нельзя считать интенсивным. Основные индексы развития², даже со скидкой на возможный субъективизм: ПРООН, ЮНИДО и ВОИС — организации системы ООН, пользующиеся безупречной репутацией, указывают на неблагоприятные тенденции в России и подъем во всех сферах в Китае. Тем не менее в долгосрочной перспективе с точки зрения интегральной мощи государства обе державы по-прежнему входят в первую пятерку (США, ЕС, Китай, Россия, Индия) [5].

Китай без идеологических шор

Давайте взглянем на современный Китай без идеологических шор и «измов». Прежде всего Китай рассматривает себя в глобальном контексте, который играет важнейшую роль с точки зрения развития. В свое время по инициативе Дэн Сяопина в Китае был принят на вооружение политический курс «открытость значит развитие». Он был актуален, поскольку при всех возможных издержках масштабного прихода в страну иностранного капитала вместе с ним китайцы приобрели опыт организации современного бизнеса, относительно передовые технологии, уникальные квалификации, важные импульсы реформирования национальной системы высшего образования, банковской системы, формирования институциональной среды, необходимой для оптимального функционирования рыночной экономики [6].

Однако, обменивая в течение 20 лет рынок на технологии (шичан хуан цзишу), элита Китая, укрепив промышленное ядро и быстро превратив страну в промышленный центр мирового значения, пришла к выводу, что необходимо повышать качество открытости. Источники иностранного капитала имеют собственные интересы, нередко вовсе не совместимые с национальными интересами страны-реципиента, которая не получила ожидаемые результаты. Отсюда был сделан вывод: в процессы глобализации научного и инновационного развития необходимо включаться на основе собственных идей и разработок, выращивать собственных лидеров на приоритетных направлениях; надо изменить сложившийся потребительский стиль взаимоотношений с зарубежными университетами, научными центрами и ТНК.

Поэтому уже в 2007 г. на XVII съезде КПК перед обществом была поставлена задача перехода к эндо-

генному инновационному развитию [7]. Иначе говоря, Китай помимо мировой фабрики поставил цель стать производителем мирового значения современных технологий. Разве этот опыт Китая не заставляет задуматься о последовательности его шагов? Сначала осуществить индустриализацию страны, опираясь на глобальный технологический трансфер и при этом ни на минуту не забывая о важности эндогенной основы научно-технологического потенциала, а затем сосредоточить усилия на инновационно-технологическом прогрессе.

Опыт Китая, думается, убеждает нас в том, что эндогенная технологическая основа должна иметь некоторый приоритет с точки зрения развития национальной конкурентоспособности. Речь идет о приоритете в принципе. Это означает, что к приоритету эндогенных технологий чаще всего приходят через глобальный технологический трансфер. Однако тот, кто такую задачу не ставит, в конечном счете становится полностью технологически зависимым, что имеет серьезные политические последствия [8]. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что речь не идет о протекционизме или даже изоляционизме, наряженном в эндогенные одежды. Открытость остается основой развития. Но это качественно новая открытость, которая является взвешенным ответом на угрозу технологической зависимости государства в системе современных международных отношений и в мировой политике.

Интегративная суть «социализма с китайской спецификой»

Заслуживает осмысления и формула «социализм с китайской спецификой». Представляется, что она позволяет проводить гибкую интегративную политику и достигать социальной справедливости, свободы и равноправия наиболее эффективными и гуман-

ными средствами, сочетать долгосрочное планирование и прогнозирование с рыночной экономикой и укреплением индустриального потенциала. «Китайская специфика» заключена не только в национальных особенностях, обусловленных многотысячелетней историей китайской цивилизации, но и в строительстве социального государства на рыночной основе. А это, согласитесь, уже мировая тенденция. Конечно, «социализм с китайской спецификой» в КНР или «конфуцианский капитализм» на Тайване могли возникнуть только в обществе, где доминирует конфуцианская традиция. Постепенное движение от сяокан к датун, то есть от малого спокойствия к великой гармонии, — это идеал, к которому стремятся и в Китае, и на Тайване. Движение на грани «ускоренного прогресса» — философия развития, которую исповедует Коммунистическая партия Китая и Гоминьдан. Для них важна не идеологическая подоплека, а жизненность и результативность модели. Такому позитивному прагматизму можно только позавидовать.

Социализм с китайской спецификой — это результат упорного труда общественной науки Китая, к которой элита страны очень внимательно прислушивается и реализует на практике предложения, исходящие от китайских обществоведов. В этом, кстати, кроется важнейший урок для России. С одной стороны, наука, предлагающая продуманные схемы, с другой стороны, власть, готовая реализовать эти предложения. Такой диалог помимо национальной специфики затронул особенности формирования рыночной экономики в стране, оценки комплексной мощи государства, индустриализации нового типа. Если говорить коротко, успехи Китая в развитии в течение тридцати лет подряд — в значительной степени заслуга обществоведов, которые смогли дать верный прогноз экономического и социального развития Китая

в глобальном контексте и предложить контрмеры в связи с попытками торпедировать из-за рубежа рост национальной конкурентоспособности страны [9].

Инклюзивное развитие — вызов неолиберальному варианту глобализации

Крупномасштабным проектом китайской науки стала концепция инклюзивного развития, которая, как представляется, воспринята и в России, поскольку она проходила красной нитью в обмене мнениями лидеров государств на саммите БРИКС в г. Санья (КНР, о. Хайнань) в 2011 г. В центре ин-

Китайцы рассматривают образование в качестве «основы всего дела».

клюзивного развития стоит человек, поэтому приоритетными направлениями здесь являются все аспекты его жизни и деятельности, включая культуру, образование, здравоохранение, науку, трудоустройство, социальное обеспечение, творчество. В странах должны формироваться такие модели общественного развития, которые создавали бы социальную гармонию и стабильность, а экономический рост опирался бы главным образом на научно-технический прогресс, неуклонно повышался бы культурный уровень трудящихся, а характер управленческой работы был бы действительно инновационным. Трансформация модели экономического развития, содействие оптимизации и модернизации экономической структуры, обеспечение согласованного развития экономических и социальных сфер — все это предъявляет более высокие требования к культурному и образовательному уровню трудящихся [10]. Можно сказать, что в инклюзивном развитии политическая и гуманитарная модернизация по своей значимости равноценна экономической и технологической трансформации, поскольку самым важным

компонентом развития выступают адекватные человеческие ресурсы — члены гражданского общества [11].

Как видим, концепция инклюзивного развития охватывает все аспекты общественного строительства, однако выделяет и приоритеты ускоренного движения. Прежде всего, на наш взгляд, заслуживает внимания подход Китая к образованию, сформировавшийся в условиях китайской цивилизации, а также под влиянием СССР. Китайцы рассматривают образование в качестве «основы всего дела». Это обуславливает особое внимание к вопросам

образования: модернизировать его согласно требованиям формирования обучающегося общества, внедрить систему образования в течение всей жизни, обеспечить доступность образования для представителей разных слоев общества, гарантировать законное право граждан на получение образования, воспитывать высококвалифицированных специалистов, растить выдающихся и творческих людей. Следует, конечно же, отметить, что этот подход разделяет большинство успешных, состоявшихся стран. Если образование — основа модернизации, трансформации и реформы, то ему необходимо отдавать безусловный приоритет и держать его под постоянным политическим и общественным контролем. Китайцы совершенно справедливо исходят из того, что только адекватный человеческий капитал в состоянии принимать участие в инновационном прорыве. Думается, нам есть чему поучиться у Китая с точки зрения влечения образовательного процесса в стратегию инновационного движения.

В Китае с 1996 г. идет акцентированное развитие под эгидой НТП [12].

В 2007 г. движение по инновационному пути было интенсифицировано. Поставлена задача вести дело к существенному сокращению зависимости Китая от иностранных технологий. XVIII съезд КПК, прошедший в Пекине в октябре 2012 г., подтвердил курс реформ и открытости, начатый Дэн Сяопином. Более того, линия на укрепление эндогенного инновационно-технологического потенциала страны была дополнена стратегическим моделированием и формированием устойчивых научных основ развития Китая. Эта скорректированная линия будет осуществляться пятым поколением китайской элиты. Его представитель Си Цзинпин, как и ожидалось, официально возглавил партию и государство. Поэтому решение задачи, сформулированной высшими руководящими органами правящей партии, автоматически ставится под жесткий контроль государственной власти и будет неуклонно вы-

полняться всем обществом. По целому ряду показателей Китай будет только наращивать бурные темпы инвестирования в науку и технологии, совершенствование инновационной инфраструктуры, укрепление прочных основ развития на базе науки, образования и инноваций. Страна активно использует глобальный облачный технологический ресурс в таких областях, как энергосбережение и защита окружающей среды, информационные технологии нового поколения, биотехнологии, производство современного оборудования, новая энергетика, производство новых материалов и обучающихся автомобилей на новых источниках энергии [13]. Трудно не согласиться с мнением, что инновационный рынок Китая вполне может вывести его в число лидеров будущего мирового экономического порядка³. Перед Россией также стоит задача перейти на путь быстрого движения вперед на базе инноваций. «Если

в России создание национальной инновационной системы и дальше пойдет „самотеком“ в соответствии с взглядами рыночных фундаменталистов, страна может упустить исторический шанс модернизироваться и рискует оказаться зажатой в геополитические тиски между новыми технологическими гигантами Запада (США, ЕС), Юга (Индия) и Востока (Китай, Япония, Южная Корея)» [14]. Такое мнение авторитетного российского ученого, на мой взгляд, указывает на необходимость творчески учесть китайскую практику стратегии инновационного прорыва. И сделать это надо быстро.

На Западе любят подчеркнуть, что в Китае политическая демократизация и гуманитарная модернизация отстают от стремительного экономического роста, что государственное вмешательство в рыночные отношения неизбежно ведет к диктатуре, что в КНР правит авторитарный режим, возглавляемый Коммунистической партией [15]. Поэтому США и другие авангардные развитые страны оказывают на Китай мягкий нажим по вопросам правового государства, прав человека, формирования системы разделения властей, укрепления местной демократии и т.д. При этом они опираются в первую очередь на собственный опыт, а их рассуждения — на логику, основанную на диалектическом восприятии жизни. Нажим с их стороны не может не быть мягким, потому что современный Китай имеет колоссальные социально-экономические достижения вопреки советам Запада, а курс КПК пользуется общенародной поддержкой. В этом контексте жесткие заявления с критикой Китая в данной области будут выглядеть в лучшем случае как непонимание китайской специфики, а в худшем как аморальные двойные стандарты.

Коллективный разум китайского общества

Китай участвует в дискурсе по поводу демократизации, поли-

тической трансформации, значения закона в жизни государства и его граждан. Подход Китая в этом вопросе, как представляется, заслуживает нашего внимания, поскольку он обусловлен здоровым смыслом, зрелостью, а также спецификой политической культуры, традиционными ценностями и особенностями китайского менталитета. Прежде всего противники западной критики Китая проводят четкую грань между либерализацией и демократизацией, напоминая, что страны Европы тоже, прежде чем стать демократичными, культивировали неприкосновенность частной собственности и другие либеральные ценности, чтобы нарастить экономический потенциал и повысить уровень жизни граждан до уровня, достаточного для политических преобразований. Поэтому удивительно, что отсталая в рыночном и экономическом смысле Финляндия, являясь провинцией Российской империи, первой в Европе предоставила избирательное право женщинам. А с другой стороны, Гонконг, известный своим богатством, так и не стал образцом демократии ни в период английского владычества, ни после возвращения в лоно родины. Кроме того, демократизация без обеспечения законности и правопорядка на деле плохо сказывается на экономической динамике и, более того, может привести хаос в общественную жизнь, что и продемонстрировал ряд стран, включая Россию [15]. Поэтому Китай совершенно справедливо сосредоточивается на совершенствовании управления экономикой, планировании и прогнозировании, поддержании сбалансированной макроэкономики, формировании институциональной среды, крайне важной для функционирования рыночной экономики, строительстве инфраструктуры. Особое внимание Китай уделяет социальной стабильности, повышению уровня доходов, образованию и социальной обеспеченности людей с тем, чтобы курс на модернизацию получил ши-

рокую общественную поддержку. Наконец, страна в максимальной степени опирается на так называемые азиатские ценности. Речь идет, в частности, о холизме, конфуцианской этике, метафизике триединого и стратегическом мышлении. Именно они обуславливают жизнеспособность многих феноменов китайской общественной жизни.

В связи с этим посмотрим на КПК как руководящую общественную силу. Ей действительно нет альтернативы, что не стыкуется с нормами демократии. Однако в Китае эта партия, насчитывающая 82 млн членов (по материалам XVIII съезда КПК), стала реальным коллективным разумом, который грамотно руководит огромной державой, прояв-

ляя осторожность и осмотрительность, придерживаясь принципов постепенности, последовательности и завершенности. Не случайно в китайской политической практике, особенно в начале движения, был популярен подход «врод через реку, нащупывая камни» (мочжэ шитоу го хэ). Компартия одобрила научно обоснованные стратегии развития на дальнюю и среднюю перспективу. Горизонт прогнозирования доходит до 50 лет. Не многие «фабри-

ки мысли» рискуют делать такие долгосрочные прогнозы. КПК поддерживает высокий динамизм и социальную ответственность политической элиты в китайском обществе. Лидеров Китая никогда не избирали западным демократическим образом. Они черпали свою легитимность из достижений страны и всегда были мотивированы контекстом. Являясь одновременно и руководителями КПК, они верят в правильную организацию процессов, хорошо адаптируются к переменам, умеют сообща анализировать информацию, чувствуют ответственность за происходящее в стране и знают, как вдохновлять население [16].

янное обновление руководящих органов партии, на съездах каждые 10 лет избираются новые руководители партии, государства и правительства. Дэн Сяопин⁴, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао, Си Цзинпин — каждый в связке с премьер-министрами: Ли Пэном, Чжу Жунцзи, Вэнь Цзябао, Ли Кэцяном, которые также являлись членами Постоянного комитета Политбюро партии. Анализ этих пар и принадлежность каждого из перечислен-

ных обновлений руководящих органов партии, на съездах каждые 10 лет избираются новые руководители партии, государства и правительства. Дэн Сяопин⁴, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао, Си Цзинпин — каждый в связке с премьер-министрами: Ли Пэном, Чжу Жунцзи, Вэнь Цзябао, Ли Кэцяном, которые также являлись членами Постоянного комитета Политбюро партии. Анализ этих пар и принадлежность каждого из перечислен-

ных китайских руководителей к тому или иному властному клану позволяют сказать, что механизм смены поколений включает поддержание стабильности власти и не позволяет доминировать одному клану, предполагая подготовку кадрового резерва на будущее. На XVIII съезде КПК на смену четвертому поколению, возглавляемому лидерами «комсомольцев» и «будущих руководителей», пришло пятое поколение во главе с лидером «принцев» и вторым человеком из клана «комсомольцев». При этом съезд наметил также кандидатов в руководящее ядро шестого поколения, которые через пять лет в зависимости от результатов их деятельности на руководящих постах в партии и государстве на очередном съезде КПК войдут в команду руководителей, которая будет находиться у власти в 2022–2032 гг. [17]

В принципе возможен вариант, когда в случае «объединения двух берегов» на политическом поле КНР появится Гоминьдан, за плечами которого превращение за 50 лет аграрного Тайваня в «зеленый силиконовый остров». Следует, однако, подчеркнуть, что КПК трансформируется, принимает программные документы, ориентированные на успешное развитие и повышение уровня жизни граждан Китая, а также поправки в устав, связанные с социальным составом членов коммунистической партии. Все это расширяет

социальную базу партии, которая по существу отражает интересы всех слоев общества. Одним словом, политическая элита Китая нацелена на социальную гармонию, достижение которой может стать реальной целью нового руководства КПК и КНР. Между прочим, в соответствии с представлениями о циклическом характере истории время пика датун — великой гармонии — наступит в 2019 г, когда в стране еще должен быть у власти Си Цзинпин с соратниками (если исходить из 10-летнего цикла смены властных поколений)⁵.

В китайском мышлении порядок не угнетает, а определяет пространство для маневра.

Люди поддерживают Коммунистическую партию не потому, что она называется коммунистической, а вследствие ее достижений. Именно под руководством КПК Китай добился значительного прогресса в экономическом развитии, в короткие сроки одержал беспрецедентную победу над нищетой, поднял национальный дух на очень высокий уровень. Поэтому для китайцев КПК — это прежде всего народная партия, которая не испугалась инициировать и возглавила процесс эмансипации общества⁶, чтобы все население ощутило перемены и содействовало будущему Китая. В связи с этим, как представляется, общественная эмансипация, механизмы управления обществом, обеспечение широкой социальной поддержки и нацеленность на социальную гармонию должны стать аспектами изучения китайского опыта.

Вертикальная демократия

Наиболее шаткий и критически важный столп, на который опирается общество, — это баланс векторов «сверху вниз» и «снизу вверх». Сохранение этого баланса обеспечивает процветание Китая, и оно же — ключ к пониманию

политического самосознания китайцев [16]. Очень важно, что эта мысль озвучена в книге выдающегося американского обществоведа и футуролога Джона Нейсбита, который ясно понимает отличие организации китайского общества от некитайского, например американского общества. Поэтому вовсе не случайно его привлекла концепция вертикальной демократии, которая культивируется в КНР. Китайцы по-другому воспринимают свободу личности, ставя на первый план интересы общественного порядка и гармонии. По Конфуцию, только поря-

док способен обеспечить истинную свободу. В китайском мышлении порядок не угнетает, а определяет пространство для маневра. Китайский холизм основан на мировоззрении, которое предполагает всеобщую взаимосвязь и взаимозависимость. Каждый индивид, по мнению китайцев, есть часть целого. Личные достижения значат куда меньше, чем качество отношений с окружающими людьми. Прогресс понимается как общее дело, как взаимодействие властей и народа. При этом вклад народа постоянно возрастает. На XVII съезде КПК ее генеральный секретарь Ху Цзиньтао подчеркивал, что «мы обязаны расширять сознательное участие граждан в политической деятельности на всех уровнях и в каждой области». Верхи внимательно отслеживают настроения общества, быстро реагируют на инициативы снизу и вносят коррективы в политику.

Поэтому можно сказать, что вертикальная демократия в Китае основана на взаимодействии инициатив «сверху вниз» и «снизу вверх». Цели устанавливаются «сверху», но вынашиваются «снизу» и во многих случаях проверяются на практике, прежде чем приступают к их осуществле-

нию. Поэтому цели воспринимаются как руководство к действию, не как оторванные от реальности фантазии политиков. Возникает система, основанная на доверии: правительство доверяет народу, а народ доверяет правительству [16]. Именно эта система определяет политическую трансформацию и децентрализацию в Китае. Поэтому на XVIII съезде было однозначно заявлено: «Мы никогда не станем копировать западную политическую систему». Для России представляется важным смысл процесса — учет национальной политической традиции, усиление влияния местного самоуправления и гражданской инициативы на местах, а также позитивное отношение к этому центральной власти.

Из ничего извлечь нечто

Чтобы понимать современный Китай и решения, которые могут оказаться неожиданными и неприятно удивлять, безусловно, следует знать о таких особенностях китайского мышления, как осмысление перемен в связке трех сил, склонность строить стратагемы, отношение к силе через призму этики и гуманизма. Метафизика триединого отражается, например, в китайском подходе к общественному строительству и дипломатии. Суть подхода состоит в том, что «единое неизменно раздваивается, но перемены следуют через сочетание не двух, а трех сил» [18]. Поэтому китайцы всегда ищут и находят в разных ситуациях эту третью силу и используют ее с выгодой для себя. Тем более что в не китайском уме, как правило, третий лишний. Мы должны просто понимать эту фундаментальную особенность китайского мышления. Ведь многие рекомендации даосизма являются весьма рациональными. Например, в «Книге о пути и добродетели» сказано: «Планируй трудное, пока оно еще легкое. Делай великое, пока оно еще мало». А «Искусство войны», другой выдающийся даосский

трактат, до сих пор сохраняет актуальность, хотя эта книга была написана еще до нашей эры. Потому что она — великолепное руководство по стратегии разрешения конфликтов любого уровня, наука неуязвимости и победы без военных действий.

То же относится и к склонности китайского ума к искусству стратагем (36 классических стратагем). Стратагемность — это черта национального характера, особенность национальной психологии. Она свидетельствует о том, что китайцы умеют стратегически мыслить, составлять долгосрочные планы как на государственном, так и на личностном уровне. Они просчитывают ситуацию на достаточное количество ходов вперед и употребляют стратагемные ловушки для достижения успеха. Именно поэтому китайцы всегда берут тайм-аут после переговоров, не спеша обдумывают содержание услышанных слов. Интеллектуальный заряд Китая в совокупности с успешной моделью развития позволяет ему наращивать «мягкую силу» и использовать ее в своей внешнеполитической стратегии. Некоторые российские эксперты, на наш взгляд, весьма обоснованно считают, что «к середине XXI в. африканская элита будет говорить на китайском языке, который вполне может стать языком общения франкоязычной и англоязычной Африки» [19].

Темная сторона китайского опыта

До сих пор речь шла о позитивном опыте КНР. Однако у страны имеется и негативный опыт, из которого также необходимо извлекать уроки. В первую очередь это касается охраны окружающей среды. Сейчас, когда страна подошла к последнему рубежу, когда загрязнение воздуха и воды достигло критического уровня, ставящего под угрозу не только общественную, но и биологическую жизнь людей, вопросы экологии получили в системе координат

китайского общества и власти безусловный приоритет, что зафиксировали XVII и XVIII съезды КПК. Однако развитие Китая в XX в. по существу игнорировало ущерб, наносимый природе. В принципе такое невнимание противоречит традиционным ценностям китайской культуры и идее всеобщей взаимосвязи. Видимо, успехи бурного роста «ослепили» на время китайскую политическую и деловую элиту. А вертикальная демократия находилась только в начале становления. Регулярные паузы, в которые происходило урегулирование экономики, не предусматривали энергичных комплексных мер, направленных на гармонизацию отношений с природой. Урок сводится к тому, чтобы не культивировать проблему, а потом решать ее изо всех сил, а организовывать свою деятельность таким образом, чтобы избежать проблем, а для этого решать головоломки. Именно так трактуется современное инновационное мышление [18]. То же относится и к таким темным сторонам китайской реформы и китайской открытости, как социальная напряженность, обусловленная колоссальным разрывом доходов, и коррумпированность чиновничества практически всех уровней. Эти проблемы серьезные, но все-таки решаемые. В Китае об этом всегда помнят и стремят-

ся минимизировать негативные последствия этих явлений. На XVIII съезде КПК вопросы социальной несправедливости, чрезмерного расслоения, злоупотребления служебным положением обозначены в качестве неотложных и предложены меры по искоренению этих опасных социальных болячек. Особенно остро поставлена проблема коррумпированности чиновничества. Съезд призвал всех членов партии, думается, что также всех членов общества «следить за тем, чтобы буква закона непреложно соблюдалась, потому что никому не позволено ставить себя над законом или пользоваться положением в корыстных целях» (из отчетного доклада XVIII съезду КПК генерального секретаря Ху Цзиньтао).

Интеллектуальный заряд Китая в совокупности с успешной моделью развития позволяет ему наращивать «мягкую силу» и использовать ее в своей внешнеполитической стратегии.

С учетом китайского опыта можно было бы сформулировать ряд соображений, касающихся стратегии развития современной России.

Глокализация по-русски

Прежде всего фундаментальным является понятие миссии государства, поскольку стратегия строится вокруг миссии. В связи с этим можно утверждать, что евразийская миссия России есть ее «историко-географический приговор». В течение по крайней мере последних четырехсот лет многие поколения нашего многонационального народа строили евразийскую державу. Отход от этой миссии всегда воспринимался как трагедия, а иногда имел катастрофические последствия. И наоборот, последовательность в утверждении этой миссии воспринималась как историческое достижение государства.

Каковы стратегические цели развития России? Никакого изоляционизма, но правильно понимаемый глобальный приоритет, включение в глобализацию в качестве субъекта развития, четко понимающего свои цели и интересы, а также цели и интересы других участников этой эпохальной инновации. Что даст такое участие и как уменьшить его издержки, то есть на каких условиях включаться и каким образом минусы трансформировать в плюсы? Россия должна участвовать во всех глобальных революциях, идет ли речь о глобальном инновационном процессе, глобальном информационном обществе, глобальном технологическом трансфере, глобальной академической революции или глобализации ми-

нерально-сырьевой базы, добывающих и транспортных ресурсов. При этом необходим подход, предполагающий обязательное развитие эндогенной составляющей нашего участия, чтобы преодолеть сырьевую направленность экономики и не приобрести статус интеллектуального придатка. Поэтому важен китайский опыт индустриализации и совершенствования промышленного ядра, включая машиностроение, станкостроение и приборостроение с использованием механизмов глобального технологического трансфера.

Слабым местом развития России является система управления в самом широком смысле слова. Речь идет о государственном и корпоративном уровне, который с каждым годом усложняется. Дальновидная и прозорливая политическая элита всегда опирается на рекомендации мощной

национальной общественной науки, комплексное планирование и долгосрочное прогнозирование и стратегическое моделирование. В авангардных странах Запада этот тип управления особенно укрепился в результате конвергенции с социалистическими странами, в которых отсутствие рынка пытались компенсировать научным предвидением. В США, например, действует система программного планирования и прогнозирования научно-технологического развития и освоения космического пространства. Интересные системы планирования работают в Японии, Франции, Южной Корее и на Тайване. Опыт КНР, как представляется, особенно интересен в аспекте комплексного планирования, долгосрочного прогнозирования и стратегического моделирования. Не менее важен китайский опыт подготовки кадрового резерва на всех уровнях властных полномочий и управления экономикой.

В бизнесе широко практикуются инновации в области управления, включая новые типы и методы, опору на специализированные программы, используемые ИКТ. В условиях господства сетевого принципа и роста числа неопределенностей успешный бизнес невозможен без хорошо организованного планирования, грамотного формулирования целей, понимания их значимости, конкретности, достижимости и измеримости. Успех современного бизнеса немислим также без новых поколений менеджмента качества, без привлечения интегрированных и аккредитованных консультантов по управлению национальными и зарубежными активами.

Совершенно необходимо активнее включаться в шестой технологический уклад, тем более что у России имеются хорошие заделы. Это позволяет ставить задачу достижения лидерства и обеспечения конкурентоспо-

собности в ряде ведущих научно-технических секторов и в фундаментальных исследованиях, определяющих лицо этого технологического уклада. Разумеется, эта грандиозная цель потребует мобилизации всех сил общества по формированию возможностей развития на базе современных технологий. Как представляется, достижение данной цели даст стимулы к выявлению как уже накопленных, так и новых знаний. Эти знания трансформируются в объекты интеллектуальной собственности, а те в свою очередь становятся нематериальными активами, занимающими все более заметное, если не определяющее, место в конкурентоспособности бизнеса и государства в целом.

Россия может и должна активно участвовать в качестве субъекта в глобальной технологической революции, в контексте которой происходят процессы, трансформирующие качество жизни людей, увеличивающие продолжительность их жизни, меняющие облик индустрии и содержание труда. Конечно, в годы негативного отношения к накопленному предыдущими поколениями богатству, приведшего к сокращению национального промышленного и научно-технологического потенциала, национальной конкурентоспособности был нанесен серьезный урон. Однако даже в условиях догоняющего алгоритма важно включаться в транснациональную инновационную структуру, развивать интеллектуальный капитал и модернизировать систему образования, создавая для этого соответствующую институциональную среду и атмосферу общественного уважения к творческому труду и его результатам. Именно так поступают в Китае.

Уникальные минерально-сырьевые ресурсы России, являющиеся основным источником богатства, должны стать местом приложения новых знаний и техноло-

гий. Это позволило бы не просто экспортировать сырье по цене сырья, пусть даже весьма ценного, но на каждом этапе передела этого сырья добавлять стоимость, повышая на порядок ценность возникающего продукта. Эта довольно простая логика позволит повысить доходы, модернизировать производство, оставлять будущим поколениям невосполняемые запасы, стоимость которых будет во сто крат приумножена нашими потомками. Чем выше добавленная стоимость товаров и технологий, экспортируемых на внешние рынки, тем выше конкурентоспособность экономики страны, но тем строже и требования к интеграции частного национального и зарубежного капитала [20].

России нужны новые «запуски Гагарина», которые объединят нацию на сложном пути инновационного прорыва.

Особое внимание хотелось бы привлечь к китайскому тезису о том, что образование является основой всего дела ускоренного развития. Образование народа должно всегда находиться в центре общественного обсуждения, с тем чтобы не совершить ошибки в этой важнейшей сфере. Подобные ошибки особенно дорого обходятся. Конечно, надо модернизировать образование, но делать это с величайшей осторожностью. Похоже, что этот урок в России пока не усвоили.

Образованные люди в состоянии реализовать собственный творческий потенциал только в благоприятных условиях. К таковым можно отнести в первую очередь поле интеллектуальной деятельности в сфере высокотехнологичного бизнеса, ориентированного на повышение конкурентоспособности на глобальном рынке. Это означает, что бизнес должен быть привержен сложным решениям, исповедовать инновационный подход, быть способен эффективно трансформировать

объекты интеллектуальной собственности в нематериальные активы. По существу бизнес должен вписываться в широко распространенную в современном мире сетевую экономику знаний, которая немыслима без глобального коллективного творчества и технологического трансфера, тесного взаимодействия бизнеса, науки и образования, а также выпуска уникальной наукоемкой продукции [21].

Творческий потенциал людей реализуется также и в других областях общественной деятельности. Важно, чтобы общество не просто позитивно воспринимало инновации, но требовало их от любого способного человека. Такая ситуация возникает, как

правило, в развитом гражданском обществе. Поэтому формирование гражданского общества, которое развивается прежде всего в условиях демократии (горизонтальной или вертикальной по большому счету не имеет значения), представляет собой помимо всего прочего важную экономическую задачу.

При понимании многомерности глокализации нельзя не отметить и такой ее важнейший компонент, как формирование национально-общественного подъема, который сейчас наблюдается в Китае. Такой пассионарный взрыв был и в СССР в начале освоения околоземного космического пространства. Поэтому, как представляется, России нужны новые «запуски Гагарина», которые объединят нацию на сложном пути инновационного прорыва.

Таким образом, стратегия глокализации по-русски представляет собой комплекс сложнейших взаимосвязанных и взаимообусловленных вопросов, связанных

С участием России в качестве субъекта в глобальных революциях, политической и гуманитарной модернизации, экономической и технологической трансформации, а также с наличием политической воли в отстаивании национальных интересов, дальновидности и прозорливости. Уроки Китая в связи с этим имеют для России непреходящее значение. ■

ПЭС 12136/02.10.2012

Примечания

1. Видимо, имеется в виду отказ от социалистических идеалов и движение к капиталистической модели. Однако Китай никогда не декларировал, что он строит капитализм. Как можно обогнать того, кто идет другим путем?

2. Речь идет прежде всего о Глобальном индексе конкурентоспособности ГЭФ, Индексе развития человеческого потенциала ПРООН, Глобальном инновационном индексе ВОИС, Индексе доверия прямых иностранных инвестиций F.T. Kerney, Индексе экономики знаний ВБ, Индексе цифровых возможностей МСЭ [18].

3. На XVIII съезде КПК генеральный секретарь призвал «хладнокровно реагировать на бросающиеся вызовы, удерживать инициативу, добиваться превосходства и завоевывать будущее», чтобы Китай мог «продолжить играть весомую роль в международном сообществе в качестве

активной и ответственной державы, участвовать в совместном противостоянии глобальным вызовам».

4. Дэн Сяопин никогда не занимал главный партийный и государственный пост, но был фактическим лидером Китая все годы после второй реабилитации. В 80-е годы прошлого века формальными руководителями ЦК КПК были Ху Яобан и Чжао Цзыян. Они попали в опалу из-за совершенных ошибок, которые привели к социальным беспорядкам, и были сняты со всех постов по инициативе Дэн Сяопина.

5. Год 2020-й обозначен на XVIII съезде как временной рубеж полного построения так называемого среднезажиточного общества (сяокан).

6. Дэн Сяопин начал трансформацию Китая с «освобождения сознания» (цзефан сысян).

Литература

1. Денисов А.И. Китайский путь: уроки для России // Вестник McKeansy. 2011. № 22.

2. Овчинников В.В. Шестидесятилетие КНР: уроки для России // Российская газета. 2009. № 5016 (192).

3. Россия и Китай: уроки прошлого, откровения настоящего, горизонты будущего // Россия и АТР. 2007. № 3.

4. Арин О.А. Россия в стратегическом капкане. М.: Алгоритм, 2003.

5. Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран. Доклад-2012 к обсуждению. М.: Международная Академия исследований будущего, Институт экономических стратегий, 2012.

6. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия — 2050: стратегия развития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. С. 310.

7. Иванова Н.И. Инновационная динамика мировой экономики: В сб.: «Инновационное развитие: международное развитие и стратегия России». М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 21.

8. Голиченко О.Г. Национальная инновационная система России: состояние и пути развития / О.Г. Голиченко; отделение общественных наук РАН, Российский науч.-исслед.

ин-т экономики, политики и права в науч.-технич. сфере. М.: Наука, 2006.

9. Бирюков А.В. Научно-технический потенциал Китая в американских оценках // Международные процессы. 2010. № 2 (23).

10. <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/t754317.shtml>.

11. Бирюков А.В. Инклюзивное развитие в контексте глобальных революций // Экономические стратегии. 2011. № 12 (98). С. 80–87.

12. Бирюков А.В. К вопросу о развитии КНР на основе науки, образования и инноваций. Проблемы инновационной экономики. Вып. VII. Стратегия инновационной экономики: Сб. научных трудов / Под ред. Р.М. Нижегородцева. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008.

13. Овчинников В.В. Технологии глобальной конкуренции. М.: Институт экономических стратегий, Международная Академия исследований будущего, 2012. С. 188–189.

14. Гринберг Р.С. Контуры глобального мира: обозначая будущее. Вводная глава к книге Гжегожа В. Колодко «Глобализация, трансформация, кризис — что дальше?». М.: Магистр, 2012. С. 22.

15. Китай: что следует знать о новой сверхдержаве. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2007.

16. Нейсбит Д. Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества / Джон и Дорис Нейсбит; Пер. с англ. А. Лактионова. М.: Астрель, 2012. С. 48.

17. Коммерсант Власть. 2012. № 42–45.

18. Девятов А.П. Практическое китаеведение. М.: Восточная книга, 2007. С. 19.

19. Завадский М. Китай теперь везде // Эксперт. 2012. № 42 (824).

20. Овчинников В.В. Глобальная конкуренция. М.: Институт экономических стратегий, 2007. С. 27.

21. Овчинников В.В. Дискуссия по теме «Преобразование и модернизация» в рамках X Глобального стратегического форума // Экономические стратегии. 2011. № 4 (90). С. 63.